

Чи Сянь только безмолвно вздохнул.

Ему хотелось прояснить одну деталь: он вовсе не был всемогущим чудовищем, способным меньше чем за месяц пробиться из Великих магов прямиком в Великие магистры магии.

На данный момент он являлся всего лишь магистром магии.

Что же касается того, как он умудрился одним ударом прихлопнуть великого мечника, чей ранг превосходил его собственный, — тут крылся маленький секрет. Во время недавней медитации Чи Сянь ради эксперимента попробовал подчинить элементы ветра так, чтобы они пленили частицы боевой ци, а затем вплёл эту гремучую смесь прямо в ветряное лезвие.

Сегодня он впервые опробовал эту уловку в настоящем бою. Судя по результату, затея оправдала себя на все сокрушительные сто процентов.

Однако объясниться ему не дали. Люди в плащах наконец опомнились, и их мгновенно обуял панический ужас.

— Какого чёрта?! Почему никто не предупредил, что в этой глуши прячется Великий магистр магии?!

— Что делать? Нам с ним не совладать!

— А что тут сделаешь? Он нас живыми не отпустит!

— Сдохнем, так хоть прихватим кого-нибудь с собой! К бою!

— На прорыв!

Чи Сянь, вообще-то собиравшийся проявить милосердие и отпустить их подобру-поздорову, лишь мысленно скривился.

Завяжись сейчас полноценная резня, под удар неминуемо попали бы невинные жители. Чи Сяню ничего не оставалось, кроме как нанести упреждающий удар.

Проблема заключалась лишь в одном: врагов в мантиях было слишком много.

В то же мгновение с его пальцев сорвался целый веер Ветряных лезвий. Первым же взмахом он рассек пополам больше десятка нападавших, однако уцелевшие безумцы всё же успели

броситься к застывшим в оцепенении крестьянам и рабам.

Ся Пэньюэ похолодел.

— Бегите! — истошно заорал он.

Но было уже поздно.

Один из сектантов с яростным замахом выбросил вперед кулак. Сконцентрированная в его ударе разрушительная волна энергии разрослась в десятки раз и с ревом обрушилась на толпу.

— Поберегись!

Ся Пэньюэ даже не подумал о собственной шкуре. Повинуясь чистому инстинкту, он рванулся вперед, в несколько прыжков преодолел разделявшее их расстояние и рухнул на землю, накрывая своим телом застывшую от страха малышку Алишу.

Гроыхнул взрыв, от которого содрогнулась земля. Осколок скалы величиной с добрых два баскетбольных мяча, пущенный взрывной волной, с глухим треском врезался Ся Пэньюэ прямо в спину и швырнул его вперед.

Когда он рухнул на землю, по-прежнему крепко прижимая к себе испуганного ребенка, его тело еще содрогалось от судорожных вздохов, но верхняя половина туловища была неестественно вывернута.

Страшно представить, во что превратилась бы хрупкая девочка, прими она этот удар на себя.

В то же мгновение воздух со свистом разрезали новые Ветряные лезвия. Чи Сянь не пощадил никого: уцелевшие нападающие, включая того ублюдка, что целился в беженцев, в один миг были разрублены надвое.

Мать девочки с безумным криком бросилась к дочери:

— Алиша! Алиша, деточка, ты цела?!

— Мама... мне не больно... — пролепетала малышка. Её личико побелело от ужаса, а взгляд был намертво прикован к лежащему рядом спасителю.

Женщина проследила за взглядом дочери и похолодела:

— Господин!..

Увидев захлебывающегося кровью Ся Пэньюэ, чьи конечности сводило предсмертной судорогой, она бросилась к нему на колени:

— Господин Ся, умоляю, очнитесь! Что с вами?!

Но Ся Пэньюэ уже не слышал её. Его взор затуманился, а зрачки начали медленно расширяться, теряя фокус.

Женщину захлестнула паника. Она отчаянно пыталась зажать страшную рану на его спине, но кровь хлестала сквозь пальцы — увечье было слишком глубоким.

— Господин, вы не можете умереть! Прошу вас, держитесь! Если бы не вы, моей Алиши уже не было бы в живых...

Убедившись, что все враги перебиты Чи Сянем, бежавшие крестьяне и рабы без сил повалились прямо на землю. Услышав надрывные рыдания женщины, они один за другим стали поворачивать головы.

Зрелище изувеченного, умирающего Ся Пэньюэ отозвалось в их груди глухой, щемящей болью. На поляне воцарилась тяжелая, гнетущая тишина.

И в этой тишине негромко, но отчетливо прозвучало знакомое заклинание:

— Заклинание исцеления.

Мягкие потоки ослепительно белого света окутали израненное тело Ся Пэньюэ. Под изумленными взглядами толпы его раздробленный, почти переломанный позвоночник с глухим хрустом начал стягиваться и вставать на место.

Однако на этом чудо прекратилось.

Резервы магических элементов света в теле Чи Сяня подошли к концу.

Несмотря на высокий ранг магистра, его родной стихией оставался ветер. Светлых элементов в его источнике было слишком мало, чтобы мгновенно исцелить столь тяжелое ранение, да еще и помочь остальным пострадавшим.

И всё же этого хватило: взгляд Ся Пэньюэ прояснился, дыхание выровнялось. Смерть отступила. Пусть он тут же провалился в глубокий обморок, все присутствующие наконец смогли облегченно перевести дух.

Жив! Спасли!

Какое счастье, что с ними был господин Чи Сянь.

Первым опомнился один из мужчин постарше.

— Чего застыли?! — зычно крикнул он. — Быстро все сюда! Помогите перенести раненых в лечебницу!

Люди мгновенно вострепнулись. С десятков крепких парней бросились вперед, бережно подняли Ся Пэньюэ и других пострадавших и бегом припустили в сторону лечебного покоя.

Рабы, провожая взглядами удаляющуюся толпу, стояли как громом пораженные.

— Малышка Алиша... она ведь всего лишь дочь рабыни, — потрясенно прошептал кто-то в толпе. — А господин Ся — здешний управляющий, важный человек. И этот благородный господин, ни секунды не колеблясь, закрыл её собой... Чуть сам не погиб ради безродного дитя...

В груди у бывших рабов защемило от подступившего к горлу тепла. Прежние хозяева никогда не ценили их жизни; для них за счастье было просто не попасться под горячую руку и не быть забитыми до смерти ради господской забавы. А здесь...

Они перевели взгляды на расклеенные повсюду лозунги, затем — на остывающие тела нападавших. В этот момент каждый из них отчетливо понял: если судьба позволит им остаться в деревне Тахэ навсегда, это будет величайшим благословением.

В стороне от общего смятения за происходящим внимательно наблюдали дворфы. Их лица выражали глубокую задумчивость и понимание.

— Достопочтенный мастер, а эти пришельцы с Земли — истинные мастера интриг! — негромко заметил один из дворфов, обращаясь к своему предводителю. — Имея под рукой столь могущественного Великого магистра магии, они до последнего держали это в тайне. Напротив, нарочно раздували панику, заставляя всех поверить, будто деревня вот-вот падет, а её жителей ждет неминуемая гибель.

— И стоило врагу показаться у ворот, как господин Чи Сянь одним ударом сокрушил всю их хваленую силу. Он не просто подарил этим бедолагам и рабам надежду на спасение — он наглядно показал, что Тахэ способна защитить любого под своей крышей. А этот Ся Пэньюэ... его «героическое самопожертвование» стало идеальным финальным штрихом. Теперь эти рабы пойдут за ними в огонь и в воду. Превосходный расчет!

— Имея дело с настолько хитрыми и прагматичными людьми, мы не добьемся союза, если не

предложим им нечто поистине ценное. Обычными обещаниями их не задобрить.

Молодой глава дворфов Холмс тяжело вздохнул и кивнул:

— Я понял.

Впрочем, окончательного решения о союзе с землянами он для себя еще не принял.

Тем временем Чи Сянь тоже не бездействовал.

Глядя на разбросанные по земле трупы в темных мантиях, он мог лишь мысленно хмыкнуть:

"Будь у вас поменьше тяги к драматическим монологам и побольше ума, возможно, вы остались бы живы"

Он махнул рукой, собираясь приказать убрать этот мусор с глаз долой.

В этот момент к нему торопливо подошел вице-капитан Цезарь в сопровождении своих уцелевших солдат:

— Господин Чи Сянь!..

Чи Сянь обернулся.

Вице-капитан вместе со своими воинами без лишних слов опустился на одно колено:

— Господин! Если даже на нашу деревню бросили столь сильный отряд, то в самом Кастаре сейчас творится сущий ад. Мы умоляем вас... Прошу, отправляйтесь в город и помогите нашему градоправителю Шастеру!

Чи Сянь ответил коротким кивком. Раздумывать было некогда.

Опасность, грозившая Тахэ, миновала, и его временный уход вряд ли мог навредить деревне.

К тому же Шастер Донахью повел себя благородно: несмотря на нависшую над его собственной головой угрозу, он оставил вице-капитана Цезаря и стражников здесь, чтобы гарантировать безопасность жителей. Да и поражение Шастера не сулило землянам ничего хорошего — падение Кастара мгновенно лишило бы их надежного тыла и ресурсов.

Приняв решение, Чи Сянь окликнул крестьян, собиравшихся утащить трупы:

— Стойте. Сначала снимите с них эти темные мантии. Они мне пригодятся.

Догадываясь о замысле мага, вице-капитан Цезарь почувствовал, как к глазам подступили слезы благодарности:

— Спасибо вам, господин! Мы, воины городской стражи, вовек не забудем вашей милости!

Кастар

За час до описываемых событий.

Сегодня весь христианский мир праздновал вековой юбилей понтифика. Чтобы отметить столь великую дату, Храм Светлого Бога не поскупился, разом выделив колоссальные средства: десять тысяч золотых монет и двести тысяч цзиней зерна. Неудивительно, что улицы Кастара буквально бурлили от праздничного ликования.

Разумеется, святые отцы не остались в накладе. Половину этой суммы и половину провизии епископ силой вытряс из городской казны. Остальные расходы, включая праздничное убранство, разноцветные ленты над улицами и новые праздничные одежды для священнослужителей, щедро покрыли «добровольные» пожертвования местных жителей и рабов.

В итоге Храм не потратил ни единого медного гроша из собственных сундуков. Напротив, в ходе торжеств они планировали собрать с верующих по меньшей мере еще десять тысяч золотых в качестве подношений.

Глядя, как оборванные крестьяне и рабы послушно выстраиваются в бесконечные очереди, чтобы опустить в церковные кружки свои скудные сбережения, копившиеся годами, храмовые стражи и священники внезапно поймали себя на мысли, что душливый запах пота простолюдинов сегодня кажется им даже приятным.

Когда бедняки с благоговением и надеждой заглядывали им в глаза, священнослужители снисходительно улыбались, протягивая каждому крошечный кулек с горстью неочищенного риса:

— Да, ты рожден во грехе, оттого и влачишь жалкое рабское существование. Однако твоя лепта, внесенная в процветание Святого Престола, зачтется пред Богом Света. Ты стал на шаг ближе к тому, чтобы искупить свою вину и в следующей жизни возродиться свободным гражданином, а быть может, и благородным господином. Держи, это благословенное зерно, дарованное милостью Всевышнего.

— Славься, Бог Света! — со слезами на глазах лепетали несчастные, прижимая к груди горсть дешевой крупы, словно величайшую драгоценность, и уходили, сияя от счастья.

Но пока на улицах вовсю гремел праздник, в стенах собора царила зловещая, гнетущая тишина.

Капитан рыцарского ордена Эллиот раздраженно мерил шагами зал заседаний.

— Ваше Преосвященство, чего мы медлим?! — не выдержал он. — Если упустим время, договоренность с Церковью Убийц Богов пойдет прахом!

Вице-епископ Ричард согласно нахмурился:

— Владыка Броуд, промедление смерти подобно.

Епископ Броуд медленно выпустил из груди тяжелый вздох:

— С самого рассвета меня не покидает дурное предчувствие. Тревога сжимает сердце всё сильнее. Что, если сам Бог Света шлет нам предупреждение о грозящей гибели?

Эллиот презрительно фыркнул:

— Предупреждение? Полно вам, Ваше Преосвященство, вы просто накручиваете себя. Какое еще провидение? Будто в этом мире действительно есть хоть какой-то Бог Света...

— Замолчи! — резко оборвал его побледневший епископ Броуд.

Лицо святого отца мгновенно потемнело от гнева. Разве можно произносить подобные богохульные речи вслух? Даже если все они прекрасно знали, что это чистая правда.

Эллиот понял, что сболтнул лишнего, но лишь небрежно махнул рукой. В этой тайной комнате, защищенной десятками магических барьеров, их не мог подслушать ни один посторонний звук.

— В любом случае, наш план безупречен, — продолжил он прежним уверенным тоном. — При нашей тайной поддержке мощь Церкви Убийц Богов возросла многократно.

— Нам остается лишь дожидаться, пока подкупленные стражники распахнут ворота. Как только фанатики ворвутся в Кастар, они сцепятся в смертельной схватке с этим щенком Шастером. Пусть пустят друг другу кровь, а мы нанесем решающий удар с обеих сторон и прихлопнем их одним махом.

— Так мы не только избавимся от кости в горле в лице этого выскочки-градоправителя, но и явимся перед народом как великие спасители. Вновь подчиним себе весь город и заставим чернь молиться на нас. Идеальный расклад.

— И не забывайте, Ваше Преосвященство, Его Святейшество Папа лично следит за развитием событий. Мы дали священную клятву преподнести ему голову этого паршивца к юбилею.

— Отступим сейчас — и вместо милости понтифика на наши головы падет его беспощадный гнев. К тому же неужели вы забыли, как этот сопляк обобрал нас на двести тысяч золотых под предлогом расследования покушения? Вы и впрямь собираетесь дальше терпеть это унижение?

При упоминании о деньгах тень сомнения окончательно сошла с лица епископа Броуда.

Эллиот был прав: обратного пути нет. Да и мысль о том, что этот юнец продолжит безнаказанно попираť его авторитет, вызвала у епископа зубовой скрежет.

Броуд решительно поднялся со своего кресла:

— Решено. Отправь весть нашим людям в городской страже. Пусть немедленно открывают ворота и запускают Церковь Убийц Богов.

— Будет исполнено! — хищно оскалился Эллиот.

— Что происходит?.. — внезапно пробормотал вице-епископ Ричард, настороженно повернувшись к окну.

Епископ и капитан удивленно переглянулись.

Все трое подошли к окну и устремили взгляды на улицу.

Спустя мгновение по их спинам пробежал холодок. На некогда шумной площади перед собором воцарилась противоестественная тишина.

Вернее, толпа не просто замолкла — до ушей заговорщиков вдруг донеслись смутно знакомые голоса. Звук шел прямо с улицы, разносясь над притихшей площадью громогласным эхом.

"... Будто в этом мире действительно есть хоть какой-то Бог Света..."

"... Его Святейшество Папа лично следит за развитием событий..."

"... Решено. Отправь весть нашим людям в городской страже. Пусть немедленно открывают

ворота..."

Лицо епископа Броуда мгновенно потеряло все краски. В один прыжок преодолев расстояние до окна, он настежь распахнул тяжелые створки.

Прямо посреди раскинувшейся перед собором Центральной площади Кастара на двух огромных деревянных столбах висел исполинский светящийся экран. И прямо сейчас этот экран в мельчайших деталях транслировал всему городу то, как трое заговорщиков в панике распахивают окна собора и со страхом глядят вниз.

А внизу, задрав головы к небу, стояли тысячи горожан и рабов, застыв в немом оцепенении от увиденного и услышанного.

На просторном балконе Резиденции градоправителя Кастара в этот момент сидел Шастер Донахью. На нем был его излюбленный лазурно-синий приталенный камзол, на ногах поблескивали начищенные до зеркального блеска высокие черные сапоги, а слуга бережно держал над его головой синий шелковый зонт от солнца.

Взглянув в сторону площади, Шастер неторопливо опустил чашку с ароматным кофе на изящный столик и тихо, с едва уловимой усмешкой произнес:

— Кто сказал, что только злодеям позволено наносить упреждающий удар? Мой дорогой епископ... Времена изменились.

С этими словами он небрежно повел пальцем.

Из тени за его спиной, чеканя шаг, вышли полтора десятка суровых офицеров в сияющих серебром доспехах. Их тяжелые шаги эхом разнеслись по резиденции.

<http://bllate.org/book/20654/2173198>